

УДК 378

Л.Х. Гитис

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК БИЗНЕС

(Из книги «Верхом на тигре», издательство «Горная книга»)

Не нужно доказывать, что образование — самое великое благо для человека. Без образования люди и грубы, и бедны, и несчастны.

Н.Г. Чернышевский

Между человеком образованным и необразованным такая же разница, как между живым и мертвым.

Аристотель

Если в прежние века образование было предназначено для аристократов и являлось элементом культуры для немногочисленных социальных групп, то в XXI веке оно перешло в серьезный бизнес, соперничающий с обороной, медициной, промышленностью. Только в России десятки миллионов самых умных граждан сеют доброе, разумное, вечное на вполне профессиональной основе. К тому же образование обслуживает множество инфраструктурных предприятий и организаций: издательство (выпуск учебников), НИИ, академии, контролеры и чиновники, заводы и лаборатории. Образовательные учреждения имеют сильные позиции на рынке недвижимости. Такой разветвленный бизнес требует осмысления, открытых дискуссий и осторожного реформирования.

1. Высшее образование для престижа, карьеры, знаний, семейного благополучия, дань моде

Россияне высоко ценят высшее образование. Считается, что диплом вуза является важнейшим ресурсом в карьере, он серьезно повышает соци-

альный статус человека, его конкурентоспособность на рынке труда. Большая часть граждан, по утверждениям социологов, рассматривают высшее образование с позиции рентабельности вложенных в него средств. Такая наживка как магнитом притягивает к себе молодых бизнесменов, авантюристов и прочих шустрых, но плохо подготовленных для непростой работы людей. Поэтому высшее образование можно считать бизнесом с любой точки зрения

По данным Госкомстата в России только 17 % совершеннолетних граждан имеют высшее образование (2007 г.). Сюда причислены и заочники, и вечерники, и выпускники откровенно несостоятельных вузов. Этого явно недостаточно для страны, претендующей на роль интеллектуального лидера. В современной России доступ к высшему образованию стал проще, и туда устремились совершенно неподготовленные для напряженной учебы молодые люди. Эти студенты не имеют семейных традиций образования, тяги к знаниям, необходимого уровня школьной подготовки. Такие люди легко поддаются под

гипноз массовых заблуждений о роли образования в жизни человека.

Реклама уверяет, что большая часть россиян имеет высшее образование, без которого успешная карьера невозможна. Акценты в рекламах расставляются в зависимости от опытности и интеллекта одурачиваемых. Для одних решающим мотивом является то, что диплом вуза открывает доступ к престижной и высокооплачиваемой работе: ты можешь выбрать работу «какую пожелаешь», у тебя будет «высокое положение в обществе», твоя зарплата будет «в 2,75 раза выше, чем у необразованных» и т.д. Других уверяют в том, что они станут умнее и поэтому будут дороже стоить; инженер или экономист не испытывают материальных трудностей. Третьи верят, что якобы хорошее образование открывает путь в политику и власть, где выпускника рекламируемого вуза также ждут деньги и счастливое будущее. Никто не говорит, что экономистов и юристов, да и других специалистов без глубоких знаний не ждут на фирмах и в муниципалитетах. А если такие и попадают на незаслуженно хорошие места, то не благодаря диплому, а в результате коррупционных договоренностей. Гарантий трудоустройства диплом не дает.

Тем не менее существуют вполне благоразумные граждане, которые стремятся к высшему образованию не по меркантильно-материальным мотивам, а потому что у них существует естественная тяга к знаниям, необходимость жить в естественной для них интеллектуальной среде — комфортабельной и социально однородной. Процесс смещения моды от наличия дипломов, медалей и звездочек на погонах к высокой культуре, знаниям, исследованиям

нового еще не стал массовым, но немногочисленные группы интеллектуалов существуют почти в каждом вузе. На них и следует ориентироваться для постепенного роста уровня высшего образования в целом. Пока граждане России не соглашались с тем, что знания выше диплома, а общественные стандарты не изменят структуру общества в пользу компетентных специалистов, имеющих неплохой культурно-образовательный уровень, придется делать ставку на молодежь, которая ценит процесс обучения, способна к самообразованию без надежды на привилегии от наличия диплома.

2. Образование не терпит суеты?

Считается, что образование консервативно. Тем не менее реформы идут постоянно. Хрущевские реформаторы давали право поступления в вуз только через два года после окончания школы, а эти годы надо было отработать на заводе или стройке. Рабфаки, спецотделения и другие суррогаты классического образования подорвали стройную систему подготовки специалистов высокого качества.

Реформы в образовании шли, идут и никогда не прекратятся. С одной стороны, общественное недовольство образованием, присущее всем временам и народам, не дает вузам жить спокойно. Да и сами студенты, их родители и работодатели устраивают доступные им демарши. С другой стороны, реформаторский зуд вождей любых рангов легче всего и безопасней осуществлять в области школьного и высшего образования. Но это только на первый взгляд и в малом промежутке времени реформы образования безобидны. Неразумные реформы, инициируемые плохо образо-

ванными реформаторами, постепенно выбили из университетов самых успешных и молодых профессоров, и теперь в любом вузе кадровые проблемы кажутся неразрешимыми в существующей модели высшего образования. Как бы новые реформаторы еще не усугубили проблему.

Конечно, можно еще больше сократить прием в вузы, и тогда авторитет дипломированного специалиста только повысится. Но это и отбросит страну еще дальше от уровня мировой цивилизации. К тому же сокращение приема в вузы (а об этом открыто говорят чиновники) может привести к серьезным психологическим травмам у миллионов молодых людей и их родителей. Ведь непоступление в университет рассматривается современным российским обществом как признак неуспешности и второсортности человека. При этом зачастую даже не думают о востребованности молодого специалиста после окончания вуза.

Массовое хорошее образование необходимо еще и для того, чтобы люди осознавали свою ответственность перед семьей, домом, в котором они живут, городом, страной, человечеством в целом. Необразованный и безответственный человек в высокотехнологичном обществе может натворить много бед.

Если людей с низкой культурой и образованием будет много, то под угрозой может оказаться вся жизнь на Земле. И это вполне реальный сценарий в мире ядерного оружия, атомной энергетики, загрязнения окружающей среды и т.д.

Утопичность известных реформ образования не должна демобилизовывать общество. Просто следует не крушить существующую модель образования, а постепенно приспособлять ее к новым условиям жизни в

стране. Причем, если страна делает очень крутые виражи в политике и экономике, образованию надо дать 10—20—30 лет на осмысление перемен, разработку методик, переучивание преподавательских кадров, а уж потом реформировать его. Конечно, изобретенная техника, новые научные идеи не требуют длительных латентных периодов на перестройку учебных планов. Но это нельзя называть реформами.

В общем, не стоит школы всех уровней держать в изоляции от внешнего мира, но и суетиться тоже ни к чему. В реформах особо опасны попытки рассмотрения школы с позиций примитивного бизнеса, ведь это очень вредит общему состоянию страны. К примеру, ослабив контроль за медицинскими вузами, страна получила стройную коррумпированную систему, благодаря которой наши медицинские дипломы практически нигде не признают. Потеря авторитета огромная. Срочно требуется работа по наведению элементарного порядка в медицинских университетах. Но делать это хорошо бы без эмоционального запала, не дергая вузы по непроверенным сигналам, не снижая уровня материальной обеспеченности. Чтобы не добить университеты окончательно.

Одни вузы не справятся с реформированием образования. Для того чтобы добиться осуществления реформ, они должны иметь опору в средней школе, семье, обществе. Практика реформирования в изолированном учебном сообществе неоднократно демонстрировала свою непригодность. Поэтому стратегия совершенствования высшего образования должна соответствовать реалиям внешнего ми-

ра, не забегая вперед, но и не отставая.

Качественное образование должно иметь весомую гуманитарную составляющую, необходимую для развития воображения, способствующую построению прогнозов и моделей развития планируемых действий. Реальные варвары и убийцы — люди малограмотные, не способные поставить себя на место жертв. Они не дорожат ни своей, ни чужой жизнью. Этот аспект образования нужно иметь в виду при реформировании. Если политики думают о судьбе своих потомков. Поэтому масштабы высшего образования нужно не сокращать, а увеличивать, предоставив возможность учиться всем желающим. Национальная безопасность требует снять все барьеры в образовательном бизнесе. Это не касается выдачи дипломов, которая должна отойти на второй план.

Кстати, наиболее успешные реформы проводились во времена Екатерины II, которая не боялась признавать свои ошибки. Сначала она по предложению И. Бецкого создала сеть закрытых учебных заведений, но увидев, что изолировать учащихся от общества невозможно, перешла к модели бесплатного для всех слоев населения образования. Она сама разрабатывала нормативную базу, кодекс поведения учителей и другие документы для практического проведения реформ.

К примеру, Екатерина предостерегала учителей от излишней эмоциональности на занятиях: сохранять спокойствие, не делать нелепых телодвижений, не показывать, как птицы летают, не подражать голосам животных. И сегодня многим преподавателям не помешали бы ее инструкции, чтобы они вели себя сдержанней.

Ошибка императрицы заключалась в том, что она слепо перенесла на

российскую почву немецкий опыт, но столкнулась с отсутствием нужных кадров и сопротивлением действующих учителей и бюрократии. Такие же проблемы возникнут и у современных реформаторов, если они захотят серьезно улучшить качество высшего образования. Впрочем, положительные результаты все-таки были: количество учебных заведений выросло в семь раз, снизился уровень пьянства, выросла средняя продолжительность жизни, количество людей (свободных и крепостных) удвоилось. Такого очевидного успеха в истории России больше не было.

Полууспешные реформы Екатерины II имели неплохие результаты главным образом потому, что глава государства открыто признала пещерный уровень существовавшей при ней системы образования и направила на реформы все силы государственной машины. После нее реформы продолжились, но уже без суеты, в нормальном, хорошо продуманном режиме. В результате к началу XX века Россия имела передовую систему университетов, гимназий и училищ. Беда только в том, что их было мало, учебников не хватало, пособия для преподавателей разрабатывать было некому. Ну а пролетарская революция и вовсе погубила достигнутые успехи. Сейчас мы пожинаем распространение невежества в полном объеме.

Еще одна беда образования — силе невежественных педагогов идеологического направления, которое началось в правление Николая I, а заканчивается только сейчас. Если в XIX веке ввели серьезные ограничения по приему в университеты по словесному и религиозному признакам, то в годы советской власти практически ликвидировали элитное образо-

вание, выровняв всех учащихся по уровню худших.

Если трезво оценить сложившуюся обстановку, то нельзя не заметить, что быстрые и радикальные реформы в образовании невозможны. Для этого нет кадров, необходимых идей, а одними заклинаниями делу не поможешь. Думаю, реформирование придется вести без суеты, при постоянном мониторинге в ключевых точках изменений, привлекая к этой работе самых способных ученых и практиков. Их еще нужно найти и уговорить поработать на будущее России.

3. Что важнее: диплом или знания?

Провидение распорядилось как всегда мудро: большинство профессий в образовании не нуждается.

Э. Бёрк

Нельзя не заметить, что большинство выпускников вузов остаются невежественными: плохо помнят изучавшуюся в вузе информацию, не хотят разбираться в литературе, истории, живописи, классической музыке, экономических теориях и т.д. И не стыдятся этого. Мешает ли им невежество в жизни, карьере, воспитании детей? Большинству не мешает. Малообразованных людей вокруг много, они составляют сегодня большинство населения. Жизнь наполнена оглуляющим телевидением, монотонным и простым по содержанию трудом, многочасовым общением с интернетом, коллективными праздниками с обильным застольем. Здесь образование излишне.

Сегодня доказано, что можно добиться успеха в жизни, составить семью и вырастить детей без всякого образования, а только волею случая. Старое американское кино убедительно показало такие схемы. Вчера

ты мойщик окон, а завтра миллионер. Для этого не нужно много знать и уметь, оригинально мыслить, развивать интуицию. Это старики думают, что кропотливая учеба или работа принесут ребенку счастье. Сам ребенок уверен в обратном: счастье и богатство придут к нему мгновенно. А если так не получается, то существуют еще и криминальные методы обогащения или поза обиженного неудачника. К сожалению, в подобных рассуждениях есть известная доля правды.

Митрофанхен, друг мой, сфетик,
Ты послушай старика:
Никакой грамматик и ни арифметик
Не нужны твоей башка.

Ю. Ким

Бизнес чутко реагирует на стремление молодежи к легкой жизни, быстрому успеху. Недавно процветала торговля дипломами, удостоверениями, медалями и орденами. Государство ужесточило контроль, и жулики-бизнесмены организовали учебные заведения, где также продаются дипломы, только с рассрочкой. Для того чтобы организовать эрзац-сессии, постепенно проставить нужные оценки, написать за соискателя дипломы и диссертации. Здесь уже не подкопаешься. Опасно ли это для страны? Очень. Так можно скатиться до уровня африканского интеллекта и даже еще ниже. Поэтому уверен, что реформа высшего образования необходима. И не косметическая, а реальная.

4. 70% родителей хотят обучать своих детей за границей. И готовы платить за учебу

В 2005 году социологи из *Begin Group* опросили родителей школьников и студентов на тему: где бы они хотели, чтобы их дети продолжили

учебу. 70 % отдали предпочтение Англии, Германии, Франции, США. И готовы платить за это от \$ 5000 до \$ 20 000 и более. Разве это не свидетельствует о кризисе нашего образования и потребности в реформах? Правда, опрашивали жителей Москвы и еще нескольких мегаполисов. Отчет опубликован в «Известиях» от 16 сентября 2005 года.

Если не учитывать ангажированные выступления политиков, а прислушаться к мнению самых заинтересованных участников дискуссии — родителей и учащихся, — то видно, что большая часть ответственных респондентов высказывается за повышение качества обучения, интеграцию российских вузов в европейские системы образования, полноценное участие в мировых культурных и экономических процессах. Думаю, приведенная статистика репрезентативнее успокаивающих речей чиновников о хорошем российском образовании.

5. «Штучного инженера» можно подготовить только по индивидуальной программе. Или он может быть самоучкой

В то время когда звание инженера звучало гордо, в ходу было понятие «штучный инженер». Так звали наиболее выдающихся специалистов (Шухова, Жуковского, Завенягина), которые были похожи на инженеров из романов Жюль Верна. Можно ли их подготовить в современных условиях?

Не верит народ в способности золотых медалистов. Может ли человек одинаково хорошо разбираться в десятках наук, как быть с увлечениями, спортом? Да и те медалисты, которые встречались мне на преподавательском пути, были в ос-

новном слабыми студентами. И это вполне естественно.

Еще более разделяются по интересам студенты вузов. Вполне зрелые подростки обладают разнообразными наклонностями, оставаясь равнодушными к тем дисциплинам, которые не заинтересовали их в детстве. Хотя в образовательных стандартах нагрузка дается на все дисциплины в максимальном объеме. Результат при таком подходе может быть только один: равнодушно-рассеянное внимание ко всем предметам программы. Какая уж тут подготовка «штучного инженера», хорошо бы выпустить просто образованного специалиста. В условиях падения престижа инженерных профессий и такой подход имеет высокую значимость.

Но здравый смысл подсказывает, что без «штучных (выдающихся) инженеров» цивилизованный прогресс невозможен. Иначе движение вперед будут обеспечивать изобретатели-самоучки без высшего образования и ученых степеней. Так происходит и сейчас. Слабая образованность изобретателей не очень беспокоит общество, потому что все считают их чудаками и романтиками, далекими от прозы жизни. А такие характеристики «штучных инженеров», как всесторонняя образованность, ум, интуиция, инициатива востребованы исключительно самой технической интеллигенцией и теми политиками, которых искренне волнует судьба страны.

Отказ промышленности от участия в модернизации высшего технического образования обусловлен еще и тем, что новоиспеченные инженеры требуют длительного переобучения на рабочих местах. А как подготовить инженеров, которые

без длительной адаптации могли бы включиться в работу, да еще и внести в нее свежую струю, не знает никто. Возможно, этим и объясняется пассивность бизнеса.

В 1960-е годы, когда на заводах еще работали «штучные инженеры», в Литгазете напечатали про удивительный случай. Какой-то завод получил немецкий комбайн, который несколько лет простоял на улице без дела. Конечно, вандалы его раскрутили, часть деталей сдали в утиль. А когда очередь дошла до его использования, то осталась одна станина. Но на заводе нашелся «штучный инженер», который, не зная немецкого языка, разобрался в чертежах, изготовил детали, собрал и запустил станок. На момент выхода газеты станок неплохо проработал 5-6 лет. Правда, не ясно, немецкий ли он?

Сегодня хорошо бы понять, как этот специалист овладел секретами инженерного искусства? Для того чтобы наладить подготовку «штучных инженеров».

Выращивание «штучного инженера» можно доверить разве что самым талантливым педагогам, лучшим ученым и практикам, но где их найти? Но не легче разработать и методику их подготовки, которая давно утеряна. Формальные жалобы на перегрузку учебных планов во многом связаны с избытком технической (нетворческой) работы, зубрежкой, неэффективным прохождением практик. Если значительно сократить объем легкодоступной справочной информации, заместить ее ролевыми играми, инженерными тренингами, дискуссиями, насыщенными практиками, уменьшить число экзаменов и зачетов, то вскроются немалые резервы учебного времени.

Подготовка «штучного инженера» — в первую очередь вопрос качества образования, а оно зависит от наличия квалифицированных пре-

подавательских кадров. Они практически были уничтожены плановой системой наращивания количества выпускаемых инженеров, где вопрос знаний играл второстепенную роль. Любой работодатель подтвердит, что на практике никакого толка от неуча с дипломом инженера быть не может. Тем не менее вся система условно бесплатного образования была нацелена на максимизацию количественных показателей и пренебрежение знаниями. За десятки лет воплощения в жизнь этого ошибочного подхода разорвалась цепь необходимых кадров для подготовки «штучных инженеров», и теперь системе нужно создавать заново. Впрочем, идеи зафиксированы в книгах, модели известны, практические навыки можно возродить.

Что же для этого нужно? Немного. Нужно восстановить уважение к образованному, умелому гражданину. Восстановить этику образования, обратить внимание на тех, кто способен оказать влияние на формирование личности юного гражданина, и помочь им. Обратить внимание государства на те виды СМИ, которые формируют культурный уровень молодого поколения, вернув ТВ некоммерческий формат. Раскрепостить талантливых инженеров, освободив их от унижительных процедур зарабатывания на жизнь.

6. Легенды высшего образования: коррупция

«На каждом факультете вуза, как правило, есть человек, который отвечает за взятки. Платят наличными, дабы не затрудняться с банковскими счетами, которые легко отследить».

Н. Морарь (The New Times)

Известная журналистка Наталья Морарь обобщила многие легенды

университетского взяточничества. Как и в любой мифологии, здесь переплелись правда и вымысел, клевета на неугодных и жалобы пострадавших. Не знаю, как журналисты и социологи подсчитывали общую сумму взяток в университетах, но результат они выдали с удивительной точностью — 618 млн долларов в 2007 году. Скорее всего, эта цифра является блефом, поскольку объяснить ее расчет не удалось.

За 42 года работы в вузе мне не приходилось наблюдать за действиями организованных коррупционеров. Возможно, они так законспирированы, что без специальных навыков, которыми владеют журналисты, их не обнаружить. Но и отрицать случаи мздоимства не стоит, ведь нечистые на руку служители, чаще всего лаборанты и технические работники, имеются в каждом вузе. Тем не менее о существовании педагогической мафии слышал только из передач ТВ и других СМИ. Конечно, вымогательство в любом виде отвратительно, однако в заостренном изложении любителей сенсаций вызывает протест. Невозможно получить информацию от взяточдателей, даже если допустить, что в анонимном виде им не угрожает уголовное преследование. Просто россияне в силу традиций вряд ли будут откровенничать на такую тему с посторонними людьми.

Основными распространителями слухов о вымогательстве преподавателей являются студенты-двоечники. Им кажется, что, рассказывая о преподавателях-мздоимцах, они реабилитируют и несколько возвышают себя в глазах родителей и товарищей. Тем не менее дыма без огня не бывает. Если кому-то нужно получить студенческий билет любой ценой, то найдется проходимец, кото-

рый сделает это своим криминальным бизнесом. Отсюда и частные случаи коррупции, уверенность части педагогов в повальной безнравственности, оправдании своих действий под влиянием тяжелого материального положения. Но это частные случаи, которые некоторые чиновники хотели бы привести в единую систему и получить от этого свою долю.

Удивительно, как строятся обвинения: наряду с прямыми взятками коррупционерами объявляются репетиторы, подготовительные курсы вузов, дополнительные занятия со студентами (МАИ) и другие образовательные действия. Не хочу подвергать сомнению данные журналистских расследований: опубликованы суммы взяток в любом вузе страны, известные им из неафишируемых источников. Но ведь для общества это не самое главное.

Больше всего высшее образование страдает от падения качества получаемых студентами знаний. И среди причин такого падения есть и доля коррупции, но не криминальной, а той, которая стала возможна при потере контроля за учебным процессом, при разрастании семейственности, землячества и т.д. Коррупция, которая больше всего вредит высшему образованию, характеризуется многовековыми российскими традициями: кумовством, жалостью к слабым, неверием в конкуренцию, убежденностью в том, что «своя рука владыка», чиновничеством. Именно поэтому мы теряем качество преподавания и обучения. И то, что должно давать приличные результаты, с помощью вредных для дела маневров преподносит фактический брак. Это и есть вреднейший

вид некриминальной коррупции. И нет никакой надежды на то, что ее удастся победить мирным путем в ближайшем будущем.

7. Лучшие американские университеты открыты для изучения: Гарвард

Гарвардский университет по всем международным рейтингам является лучшим в мире. Он был основан в 1636 году, находится в штате Массачусетс, здесь обучается более 20 тыс. студентов, преподают 2 тыс. профессоров, всего работает около 14 тыс. человек. Гарвард закончили 7 президентов США, 43 нобелевских лауреата.

Устоявшаяся и консервативная система высшего образования США организована как тщательно продуманный бизнес, но не с позиций быстрой выгоды, а с прицелом на долгосрочную эффективность. По любым критериям, из десятка лучших университетов мира 6-7 находятся в Америке. Тем не менее американские граждане бьют тревогу, их не утраивает качество образования. У них тоже грядут реформы.

Для поступления в университет в США надо сдать экзамен (SAT), в который входят несколько школьных дисциплин. Естественно, Гарвард требует высоких оценок — звание лучшего дорого стоит. Обязательная часть SAT — английский язык, где проверяется «словарный запас, умение грамотно строить предложения, анализировать текст и ассоциативные способности» (О. Биберган). Те, кто много читает, легко выполняют эти требования, а дети, проводящие время у ТВ или компьютера, с заданиями справиться не могут. Тест по математике не очень сложный, но требующий внимательности и функциональ-

ной грамотности (понимание сложного текста).

Как известно, в американских учебных заведениях учащийся сам выбирает нужные ему дисциплины из большого списка возможных. И чем проще дисциплина, чем меньше объем знаний в нее заложен, тем меньше шансов на успешную карьеру в университете и после его окончания. Вообще система американского образования селективна: учиться на определенных специальностях в слабых университетах может и малоспособный, но добросовестный студент. Но карьера такого выпускника будет весьма ограничена.

Одна из главных особенностей американского образования заключается в том, что от учащегося требуют минимум фактографических знаний, которые можно получить из справочников, энциклопедий, интернета, а основной упор делают на способность к анализу, синтезу, достоверности выводов, точной аргументации, на умение корректно вести дискуссию, находчивость. И эти требования самые привлекательные для нас, делающие гражданина дееспособным, инициативным, предсказуемым в бизнесе.

Как замечает тот же О. Биберган, в Америке ранжируется все, в том числе и школы. Если ты учишься в плохой школе, то путь в Гарвард тебе заказан, если ты не предпримешь сверхусилий в самообразовании. Но такие случаи единичны.

По свидетельству выпускников Гарварда, затраты на обучение для студента второстепенны. При минимальной оплате \$ 45 тыс. в год студенты или их родители могут почти всю эту сумму получать из разных фондов. К примеру, О. Биберган самостоятельно оплачивал только 4 %,

да и те брал в кредит под 10 % годовых. Оставшиеся 96 % формировались из федеральных, региональных и частных фондов, даже администрация Гарварда помогает своим студентам. В общем, если человек хочет и может учиться, деньги откуда-нибудь найдутся. Это касается не только отличников, но и самых обычных студентов. Таких более 70 %. Для того чтобы облегчить поиск средств на обучение, в первые же дни после поступления студент получает пакет предложений от разных фондов и выбирает те, которые ему по вкусу.

Эта модель финансирования может вызвать недоумение: зачем огород городить с фондами, если можно взять университет на бюджетное финансирование? Ответить можно, не задумываясь: экономическое управление Гарварда эффективно хотя бы потому, что он является лучшим университетом мира, и не стоит его поучать. Но и по существу такая форма управления имеет преимущества: размеры помощи каждого фонда пропорциональны успехам выпускников. Упдет деловая репутация — сократятся размеры помощи. Государство так гибко реагировать не может. Впрочем, и копировать Гарвард не стоит, система сложная, формировалась столетиями, сразу у нас не приживется.

Наиболее привлекательны в Гарварде — академические свободы, трезвая оценка способностей студентов, качественный отбор и отсутствие коррупции во всех ее проявлениях. Гарвард не готовит эрудитов, он учит самостоятельно мыслить, концентрировать внимание на главном, принимать рациональные решения, вести дискуссии. Здесь продумано все, касающееся подготовки успешного и

гармонично развитого управленца высшего качества.

Если мы хотим использовать опыт Гарварда в наших университетах, то общими словами не обойтись. Надо изучить принципы выбора учебных дисциплин и методику их преподавания. Делать это должны не чиновники, а те энтузиасты, которым предстоит стать участниками образовательных реформ.

8. Германия смотрит в будущее

Немцы опровергают тезис — бизнес должен приносить доходы, а иногда и прибыль. В образовании важнее содержательный результат, а уж если государство хочет управлять университетами, то должно брать на себя все расходы. В Германии так и сделано. Здесь образование бесплатно, хотя для желающих есть несколько частных вузов. Никаких вступительных экзаменов нет, прием ведется по школьным или гимназическим экзаменам. Практически любой желающий учиться может себе это позволить. Впрочем, на престижные специальности существует конкурс аттестатов. Прием и распределение абитуриентов по университетам ведет специальная организация (ZVS). Желающий поступить в вуз присылает в ZVS копию аттестата и список вузов и специальностей, по которым он хотел бы учиться. Если сразу не хватило мест, то ставят на очередь и через 1-2 года примут обязательно. Учатся немцы добросовестно, а в освоении инженерных специальностей им нет равных. Даже иностранцы пользуются теми же привилегиями.

Немцы регулярно публикуют рейтинги университетов, которыми пользуются абитуриенты, работодатели, бюджетные управленцы. Чем выше

рейтинг, тем обильнее финансирование, выше качество преподавания, лучше материальная база, выше конкурс. Кстати, студенческая стипендия составляет 585 евро (2004 г.). Немецкая модель образования нацелена на высокое качество выпускников и весьма привлекательна для использования у нас, хотя бы не в полной мере, с адаптацией к нашим условиям. Россия и Германия имеют много общих проектов, можно было бы добавить еще и образовательный.

Впрочем, надо отметить, что в Германии весьма эффективная экономика, здесь нет проблем с инвестициями, к тому же расходы на оборону минимальны. Да и простые немцы постоянно критикуют правительство за высокие расходы на образование. Правительство пока держится.

Зато прием в университеты обходится без репетиторства и взяток, набор преподавателей — по объективным характеристикам, оплата их труда вполне достойная.

9. Экспорт образовательных услуг

Реалистический подход к рынку образовательных услуг подсказывает, что у российских вузов есть неиспользованные резервы в привлечении зарубежных студентов, стажеров, аспирантов, преподавателей. Российское образование конкурентоспособно в области преподавания комплекса горных наук, русского языка и литературы, нефтегазовых дисциплин, отдельных направлений в математике и физике. Кроме того, среди стран-импортеров образовательных услуг, нацеленных на Россию, остаются республики СНГ, Монголия, Китай, Индия, ряд африканских и латиноамериканских стран. Здесь не надо завоевывать позиции, российские

культурные традиции прочно укоренились в массах граждан этих стран. К тому же многие родители потенциальных студентов учились в СССР и хотели бы детям передать свою любовь к нашей стране и ее гражданам.

Спрос на образовательные услуги существует, но что-то останавливает экспорт российского образования. Очевидно, во-первых, мешает государственная политика, нацеленная только на финансовую рентабельность. Действительно, экспорт образовательных услуг не дает высоких прибылей, да и те небольшие дивиденды, на которые могли бы рассчитывать финансисты, образуются не сразу. Но если Россия хочет завоевать мировой авторитет, то привлечение иностранных студентов в страну имеет важнейшее значение. И никакая милитаризация не идет в сравнение со значимостью образования и культуры. Не даром все развитые страны вкладывают бюджетные средства в привлечение иностранных студентов в вузы.

Во-вторых, иностранных учащихся удерживают от приезда в Россию опасения за свою жизнь и условия проживания в наших студенческих общежитиях. Для обеспечения безопасности иностранных студентов необходимы кампусы международного уровня, а для защиты от скинхедов пора создать спецподразделения в правоохранительных органах. Хотя того чиновники или нет, почувствуют ли бандитам-черносоптенцам, но наводить порядок придется. Лучше раньше, чтобы не делать этого в спешке.

При поддержке правительства и доброжелательном внимании парламентариев можно было бы создать фонды поддержки экспорта высшего

образования, с помощью которых выплачивать стипендии наиболее перспективным студентам-иностранцам, выдавать целевые кредиты, финансировать создание филиалов ведущих российских университетов в странах СНГ и дальнего зарубежья.

10. Деньги, вложенные в образование, возвращаются нам сторицей

В одном из рассказов Мопассана действие происходит в деревне. Мужа парализовало и, чтобы его неподвижное тело было хоть чем-то полезно, жена стала подкладывать под него куриные яйца. В деревне ничего не должно пропадать.

Что ж, у нас тоже принято подсчитывать прибыль от любого дела. А если бы образование вообще не давало доходов, его бы просто ликвидировали? Сегодня стратегические цели реформ образования тоже пытаются измерить рублями. Но методика подсчета смехотворно нелепа, она досталась нам от советских ученых, которым было необходимо отчитаться за вложенные в науку средства. А здравомыслие мало кого интересовало.

Доставшееся нам в наследство прагматическое отношение к образованию, особенно высшему, требует, чтобы вузы готовили кадры, необходимые рынку. Вот только измерить такую востребованность непросто. М. Леонтьев, который без усталости требует, чтобы Россия стала «великой державой», чтобы восстановили «лучшие научные школы», воспитали «уникальные таланты», пытается убедить нас еще в одной прагматической цели образования. Возможно, чиновников он и убедит — им нужны простые, измеряемые критерии успеха. Но нас барабанным напором обмануть труднее, многократно один прием не срабатывает.

Меркантильный подход к образованию плох не только в тех случаях, когда от знания ждут экономических результатов, но и когда надеются на олимпиадные награды, возвеличивание страны, города, вуза. Вообще втиснуть жажду знаний, желание приобщиться к обществу интеллектуалов, жить полноценно в рамках экономической востребованности не очень просто, да и свидетельствует о низкой культуре и ущербности мышления. Не лучше ли оставить на время в покое финансовые надежды и задуматься над бедами, которые нам принесли необразованность, зазнайство, погоня за дипломами и медалями.

11. В университет поступил, а учиться не хочет

Если те профессора,
Что студентов учат,
Горемыку-школяра
Насмерть не замучат.
Из Вагантов

Криминальный бизнес в образовании подпитывается приоритетом диплома над знаниями. Для многих абитуриентов и студентов овладеть необходимыми знаниями — непосильная нагрузка, сопряженная с нежеланием и неумением учиться. Во многих случаях технические университеты сталкиваются с отторжением студентами знаний, с отсутствием навыков кропотливой работы, нежеланием сосредоточиться на изучаемом материале. Даже упоминание о занятиях вызывает у них неприязнь. Возможно, у таких студентов, а это многочисленная группа, отсутствуют навыки самостоятельной умственной работы, усвоение новых знаний для них инородно. Поэтому нормальная адаптация к условиям обучения в вузе проходит для них весьма болезненно.

Это ненормальное, даже болезненное, состояние организма части студентов (особенно оторванных от дома и родителей) умело эксплуатируется множеством репетиторов, помощников при решении любых учебных проблем. Суррогатно-образовательная деятельность приобрела широкие масштабы и снижает качество образования, уменьшает познавательную активность граждан. Нежелание думать привело образование и культуру в стране к самым низким показателям за многие десятилетия.

Во время ТВ ток-шоу ведущий спрашивает: «Кто написал «Ромео и Джульетту?» Молчание, наконец, согласились, что написали братья Гримм. Потом одна из участниц вспомнила, что автором был Шекспир. Правда, о чем там шла речь, не знал никто

Для того чтобы сократить уровень полукриминального бизнеса, нужно трезво оценивать возможности студентов, разделять их на группы по способностям усвоения информационных материалов и не требовать от слабых невозможного. Действительно, многие студенты читают и слушают лекции, но не усваивают информацию по причине неподготовленности к приобретению знаний. Возможно, их мозг еще не созрел для университета; возможно, они выросли в малограмотной среде; возможно, школьная схоластика нанесла им непоправимый урон. Задача вуза не дать такого студента на растерзание местным коррупционерам.

Нельзя упускать из виду, что при поступлении в вуз неподготовленного к учебе человека обстоятельства кидают его в объятия мафии, делая потенциальным правонарушителем, может быть, на всю оставшуюся жизнь. Ведь нарушив правила обучения, он и

в дальнейшем будет искать неправомерные способы решения жизненных задач. Для общества такие хитрости чрезвычайно опасны. В любом вузе существует определенный рутинный порядок обучения, соблюдению которого раньше уделялось особое внимание. И если незрело мыслящий студент пытается нарушить этот порядок, такой сигнал пропускать нельзя.

12. Послевузовское образование

Бизнес и промышленность, основные потребители молодых специалистов, вынуждены приспособлять выпускников вузов для своих прагматичных целей. По данным, опубликованным в The New Times (2.06.08, с. 5), переобучение обходится фирмам в 500 млрд рублей, что вдвое превышает «расходы федерального бюджета на высшее образование». Создание своих послевузовских образовательных структур — не только затратная часть бизнес-бюджета, это наносит ощутимый вред единой системе российского образования, сводя проблему профессионального управления народным хозяйством к простейшим утилитарным ситуациям. При этом основную ответственность за низкое качество высшего образования бизнес-сообщество возлагает на коррупцию в вузах. Скорее всего, это только часть причин.

Послевузовское образование существует в большинстве крупных университетов. В некоторых случаях оно позволяет восполнить недостаток в знаниях, полученных ранее, а иногда необходимо для получения диплома, дающего право на работу, требующую специальной аттестации. Но его особый размах свидетельствует о востребованности таких знаний, которые пока невозможно получить при пер-

вом обучении в университете. К тому же у нас просто не хватает университетов, в которых студентов учат, а не выдают дипломы.

В некоторых случаях послевузовское образование по качеству превосходит стационарное университетское. Это объясняется неплохими финансовыми возможностями коммерческих структур, курирующих повышение квалификации для собственных нужд. Хотя немало и таких, где коммерция строится на эксплуатации средств обучаемых, и при такой постановке дела экономия на качестве обучения закономерна.

На Западе существует система пожизненного образования, которая финансируется государством, страховыми компаниями, меценатами. Эта работа имеет социальный смысл, создает в обществе атмосферу образованности и поддерживает определенный уровень культуры. Такая работа стабилизирует общество, удлиняет среднюю продолжительность активной жизни, помогает людям разных поколений найти осмысленное занятие.

В России существуют сотни университетов, имеющих серьезные традиции, квалифицированный кадровый состав, материальную базу для расширения количества учащихся, и не только студентов, но и граждан других возрастных категорий, склонных к нетрадиционным видам образования. Создав новую модель послевузовского образования, важно привлечь к ней внимание специалистов, найти возможность участия государства в этой работе. Такая работа несомненно может стать вполне рентабельным бизнесом, но на стартовом этапе потребуются определенные начальные затраты.

Если бизнес-сообщество не убедится в высокой эффективности

предлагаемой модели послевузовского образования, квалификации преподавательского состава, инвестиций во многие университеты ожидать не стоит. Без расширения бюджетных и частных инвестиций, значительного увеличения уровня оплаты труда в университетах и привлечения спонсорной молодежи не будет. Для этого ведущие университеты вынуждены проявить активность и продемонстрировать свои потенциальные возможности, свою конкурентоспособность, мобилизовав имеющиеся у них ресурсы.

Для российских университетов перестройка послевузовского (наиболее востребованного бизнесом) образования — дело незнакомое. Во-первых, потребуются обоснование глобальной системы общественного образования, восстановления уважения к культуре, знаниям, науке. Граждан необходимо убедить в том, что мгновенного успеха в жизни достичь невозможно, хорошие результаты дает только активный, кропотливый труд, основанный на знаниях. А преподаватели должны демонстрировать пример такой работы в науке, изобретательстве, участии в конференциях, научно-литературном творчестве.

13. Как в университетах учат патриотизму

Бывшие научные коммунисты, над неуклюжими попытками которых возвеличить тиранию, оплевать все талантливое, потешались студенты и те, кому довелось с ними общаться, сегодня взялись за патриотическое воспитание. Они учат окружающих, как родину любить, чем следует жертвовать во имя светлого будущего.

А теперь они стали еще и проводниками православной культуры. Независимо от этнических и религиозных корней. Обычно профессиональ-

ными учителями патриотизма, научного коммунизма, истории КПСС, марксизма-ленинизма становятся те, кому не даются точные науки, инженерное творчество, классические гуманитарные науки. Но почему-то военные подвиги, революции, террор, истории придворных интриг им хорошо известны. И на этих кровавых примерах они учат жить молодых людей — школьников и студентов. Пишут планы патриотического воспитания, рассказывают басни о подлых происках врагов: сначала белогвардейцев и царских сановников, сейчас повернули в обратную сторону.

Почему-то профессиональные проводники патриотизма не вспоминают настоящую гордость России: мыслителей, поэтов, прозаиков, композиторов. Может быть, здесь у них не хватает знаний. Тогда могли бы переключиться на разъяснение вреда пьянства, наркомании, курения, безнравственности. Но и это их мало волнует. Обобщая сказанное, можно предложить отказаться от услуг шутовских идеологов в вузах и попытаться дать им посильную осмысленную работу. К тому же не стоит преувеличивать эффективность примитивной риторики, к которой если и прислушаются, то или совершенно наивные студенты (их очень мало), или конъюнктурно ориентированные и корыстные «новые комсомольцы».

14. Если высшее образование — бизнес, то законы бизнеса и нужно соблюдать

Несмотря на либеральную основу бизнеса, конкуренция и необходимость содержать себя диктуют жесткие правила поведения. И в этой системе мелочей нет. Высшее образование, которое считается оазисом цивилизации, могло бы обеспечить университетам средства для активной

деятельности, инноваций, выполнения стратегических планов. Но для осуществления давно обсуждаемых реформ требуется навести в университетах рациональный порядок.

Сегодня крупнейшие университеты нацелены на бюджетное финансирование, бюрократический стиль управления, сдерживание частной инициативы. Но попытки вывести университеты на международный уровень потребуют противоположного стиля поведения. Попытаемся разобраться, что мешает университетам стать сильными бизнес-структурами, модернизировать образование и науку, достичь максимума своих потенциальных возможностей.

Бюджетные университеты, а они имеют неоспоримые преимущества перед коммерческими, должны сознавать, что на них ложится главная задача приближения российского образования к мировым стандартам. Поэтому успех их реформ определит эффективность всей системы. В бизнесе принято извлекать выгоду из всего возможного. Для этого надо уберечь коллектив вузов от очевидных глупостей, внедрить корпоративную университетскую культуру поведения. Если бы сотрудник коммерческой фирмы вслух оскорблял свою организацию, то уже через несколько часов его бы уволили, а в вузе такое проходит безнаказанно. Это не демократия, а глупость. Поддерживать имидж вуза — обязанность всех сотрудников и студентов, а дискуссии придется перенести в закрытые от посторонних помещения. Потому что высокий авторитет — основа благополучия коллектива. Неплохо бы также отказаться от распространения сплетен, интриг, оскорбления коллег. Да и просто следить за своей речью не помешает, чтобы в вузовских мно-

готиражках не публиковали цитаты из плохо продуманных лекций.

Доверие к университету подрывает и непродуманная форма одежды профессоров. Зачем без видимой необходимости наряжаться в пестрые платья, джинсы, грязные кроссовки, неряшливо причесываться и т.д. Ведь преподаватель — в некотором смысле бренд университета, и его надо поддерживать, чтобы сохраняя конкурентоспособность. Культура речи, одежды, поведения — важнейший фактор успеха бизнеса, и смириться с необходимостью соблюдения этикета придется всем преподавателям.

В бизнесе невозможно представить себе, чтобы невежественный начальник вмешивался в производственные процессы. Такая же форма защиты нужна и образованию. Необходим действенный механизм, ограждающий университеты от активных личностей, примитивно представляющих себе образовательные технологии. Важно наладить практику экспертизы новых образователей идей и их носителей. Это имеет прямое отношение и к профессуре. Думаю, конкурсант на занятие вакантной должности обязан, кроме соблюдения необходимых формальностей, представить план того, что он будет делать для улучшения преподавания, какие учебники или пособия намерен написать, как будет осуществлять связь с коллегами и отраслью. И забыть о протекционизме — только эффективность. Это аксиомы бизнеса.

Правилам бизнеса противоречит и укоренившаяся привычка контроля своей деятельности самими профессорами. Может ли преподаватель принимать экзамены у своих студентов? По этой логике, почему бы лечащему врачу не анатомировать своего умершего больного, а прокурору

не выступать в роли судьи, строителю не принимать им же построенный дом? Это не только субъективизм, но и основа для коррупции, которая для бизнеса смертельна.

Еще один закон бизнеса, который университеты не могут игнорировать, — производить надо только то, что можно продать. Но здесь есть противоречие: если буквально следовать этому принципу, то университеты превратятся в техникумы, потому что изучение только тех дисциплин, на которые есть спрос, делает университеты ведомыми и зависимыми от работодателей. Думаю, общество должно прислушаться к мнению самых авторитетных ученых и выйти за рамки примитивной прагматики. Для того чтобы обеспечить необходимый уровень востребованности университетам нужно наделить студентов минимумом необходимых знаний и навыков. Но ограничиваться этим нельзя — ведь университеты готовят интеллектуалов для многогранной жизни. В соответствии с правилами бизнеса кто-то должен финансировать затраты на дополнительное образование. Для решения этого вопроса надо определить, кому нужны внепроизводственные знания — самому студенту, обществу, фирме, в которой будет работать специалист. В соответствии с заинтересованностью будут распределяться и финансовые вложения в образование.

Но дополнительные знания не имеют строго очерченных контуров дисциплин. Здесь придется довериться тем профессорам, которые лоббируют изучение своих предметов. Что ж, снова воспользуемся правилами ведения бизнеса. Авторитет университета может убедить инвесторов лучше набора малопонятных непосвященным аргументов. В универси-

татах нужны яркие личности, которые способны популяризировать научные идеи, нельзя пренебрегать рекламой в СМИ, важна информационная открытость, конкурсы, премии. Книги ведущих профессоров также повышают конкурентоспособность вуза. По аналогии с бизнесом университет должен иметь свой брэнд. Им могут быть научные школы, олицетворяемые лидерами. Любой коммерсант знает, что удачный брэнд — залог успеха в бизнесе. Поэтому его берегут и охраняют так же, как военные знамя части.

Менее известно понятие «посол брэнда», которым наделяются те сотрудники, которым доверено представлять фирму на переговорах, конференциях, встречах. В бизнесе такая модель лучше всего воплощается в схему франчайзинга. Университет-франчайзер разрабатывает правила совместной деятельности, а кафедры, лаборатории, отдельные ученые играют роль франчайзи, они обязаны соблюдать правила учебно-научного бизнеса: не подрывать авторитет университета и его подразделений, понимать стратегию университета и вписывать в нее свою деятельность. Вся работа коллектива должна способствовать росту общего бизнеса: защита диссертаций, написание книг, участие в конкурсах и т.д. должны служить не только индивидуальным амбициозным целям, но и повышению конкурентоспособности университета.

Учитывая интересы наиболее крупных работодателей, университеты вынуждены приспособливаться к быстро меняющейся конъюнктуре рынка. Но делать это надо осторожно и продуманно, чтобы реформирова-

ние образования не сказалось на его качестве. Потому что потеря качества в конце концов приведет к потере доверия у партнеров, снижению конкурса при приеме, отказу работодателей от выпускников, сокращению государственных инвестиций. А сокращение инвестиций не даст возможности приглашать на работу ведущих профессоров и абитуриентов.

Успех университета зависит от самопозиционирования членов его коллектива. Если преподаватели и студенты (а также общающиеся с ними люди) считают себя успешными, то бизнес, скорее всего, будет процветать. Но многие педагоги уверены в том, что они умны и образованы, но неудачливы по независящим от них причинам. Это состояние умов передается студентам, а в конечном счете и окружающим. Здесь важно ориентироваться не на собственное мироощущение, а чувствовать себя единым с университетом организмом. И действовать в соответствии с общими интересами.

Что ж, успех любого бизнеса, в том числе и образовательного, зависит от понимания общих задач, умения контролировать собственные эмоции и действовать слаженно для достижения целей. Для университетов, где строем ходить никто не любит, это весьма непростая задача. Конечно, заставить профессора жить по правилам бизнеса трудно, но тогда следует быть готовым к бедности и низкой конкурентоспособности. Для выхода из тупиковой ситуации надо согласиться, что правила ведения бизнеса не так уж и глупы, а соблюдение их не потребует сверхусилий.

■ ■ ■

Коротко об авторе

Гитис Л.Х. – директор Издательства Московского государственного горного университета, info@gornaya-kniga.ru

